

- 4 См.: Валгина Н.С. Теория текста: Учеб. пособие. М., 1998.
- 5 См.: Белунова Н.И. Дружеские письма творческой интеллигенции конца XIX – начала XX вв. (Жанр и текст писем). СПб., 2000.
- 6 Малинова О.Ю. Программы как средство самопрезентации политических партий (на примере «Единства» и «Отечества») // Психология восприятия власти / Под ред. Е.Б. Шестопаля. Сер. Научные доклады. Вып. 1. М., 2002.
- 7 Там же.
- 8 См.: Сиротинина О.Б. Современный публицистический стиль русского языка // Русистика. 1999. № 1–2. С. 5–18.
- 9 См.: Кормилицына М.А. Разговорность как реализация стратегии близости к адресату в современной прессе // Язык в движении: К 70-летию Л.П. Крысина / Отв. ред. Е.А. Земская, М.Л. Каленчук. М., 2007 (Studia philologica).

УДК 821.161.1–311.6.09:398.91 + 929 Полевой

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПОСЛОВИЦ И ПОГОВОРОК В ИСТОРИЧЕСКОМ РОМАНЕ Н.А. ПОЛЕВОГО «КЛЯТВА ПРИ ГРОБЕ ГОСПОДНЕМ»

М.А. Горбатов

Саратовский государственный университет
кафедра истории русской литературы и фольклора
E-mail: arctos@yandex.ru

Пословицы и поговорки в сконцентрированной форме выражают многовековую мудрость народа, его наблюдения над миром, окружающей природой и взаимоотношениями между людьми. Они запечатлели познавательный опыт народа, его морально-этические и нравственные идеалы. В статье представлено описание основных функций этих древнейших жанров фольклора в художественном пространстве исторического романа Н.А. Полевого.

Ключевые слова: пословицы, поговорки, фольклор, исторический роман, речевая характеристика.

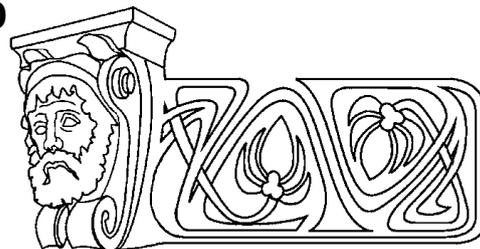
Proverbs' and Sayings' Functioning in the Historic Novel by N.A. Polevoi «The Oath at the Holy Sepulcher»

М.А. Gorbатов

Proverbs and sayings express in condensed form centuries-old popular wisdom, people's observations on visual environment, interpersonal relations. They store cognitive experience of a people, express people's mentality and moral norms. The article describes the functioning of these oldest folkloric genres in the historical novel by N.A. Polevoi.

Key words: proverbs and sayings, folklore, historical novel, speech characteristic.

Интерес к событиям прошлого, стремление понять современность на основе уроков и примеров истории во многом объясняют и определяют ведущую роль исторического романа в 1830-е гг. Для отечественной литературы была открыта поэзия национально-исторического повествования, в котором «голос народов и владык должен греметь из глубины минувшего»¹. Обращение к родной старине и воскрешение ее как предмета художественного отражения получили в новом литературном движении определяющее значение. Самое развитие литературы тогда начали связы-

вать с освоением национального материала. «Русская история, русская старина не только могут быть источником поэтических созданий и романов исторических, – писал Н. Полевой, – но, может быть, их должно почтить одним из богатейших источников для поэта и романиста»².

Внимание исследователей уделяется преимущественно оценке вклада Н. Полевого в развитие исторической науки³, его восприятию специфики исторического романа⁴. Однако фольклорные жанры в «Клятве при Гробе Господнем» до настоящего времени не становились объектом специального изучения, хотя в этом историческом романе они широко представлены: автор обращается к пословицам, поговоркам. В нем также присутствуют лирические песни, былины, сказки, поверья, суверия, слухи, легенды, предания. Писатель нередко цитирует почти целые тексты; иногда фольклорные мотивы и образы как бы «вплываются» в ткань авторского повествования. Элементы этих жанров создают особый колорит исторической эпохи, характеризуют национальную культуру.

Выделение пословиц и поговорок в качестве объекта исследования нам кажется целесообразным по нескольким причинам. Во-первых, это тот материал, который встречается на протяжении всего текста (около 100 случаев употребления). Во-вторых, пословицы и поговорки содержат житейскую мудрость, поэтому более непосредственно, чем другие проявления фольклорной традиции, определяют сознание персонажей, их нравственные ценности и жизненные позиции, мотивы их поступков. В данном случае важен тот факт, что «принимающим» текстом является исторический роман. Имеет значение и то, на каком уровне художественной структуры исторического повествования наиболее активно происходит

взаимодействие: на уровне сюжета, фабулы, об-разной или мотивной системы, характеристики персонажей, авторской оценки и т.д.

С пословицами и поговорками связана прежде всего речевая стихия романа. Они присутствуют в речи различных персонажей, и поэтому их первичная роль – речевая характеристика, создание образа. В то же время обилие пословиц и поговорок придает роману общий простонародный колорит, а их идейно-тематическое содержание помогает раскрытию авторского замысла. Можно также предположить, что среди пословиц и поговорок в романе существует определенная иерархия: некоторые вводятся в повествовательную ткань однажды и призваны прояснить какую-то конкретную ситуацию, другие приобретают более общий смысл.

Как известно, тенденция к слиянию живого разговорного языка с литературным воплотилась в творчестве многих писателей XIX в. Именно пословицы и поговорки запечатлели сложившийся народный опыт, проверенный веками: «пословица как малая художественная форма, значением некогда равная отдельному слову, появилась как способ смыслового сгущения мысли в поэтической речи»⁵.

Прежде чем перейти к рассмотрению функций пословиц и поговорок в романе Полевого, необходимо сделать несколько замечаний относительно природы рассматриваемых жанров. Дело в том, что до сих пор пословица и поговорка не имеют единых и четких определений (в романе имеются случаи неразличения Н. Полевым указанных жанров. – М.Г.). Если обратиться к истории их собирания и публикации, то можно проследить, как меняется определение (а отсюда – и основные функции, и композиционная сторона) пословиц и поговорок в предисловиях к крупнейшим сборникам и в исследовательских работах. Каждая эпоха, каждое научное направление вносило в определения коррективы, добавляя или исключая какие-то признаки⁶. Мы придерживаемся тех определений пословицы и поговорки, которые даны В.И. Далем в «Напутном» к своему сборнику пословиц⁷. Как представляется, здесь учтены все основные признаки этих жанров, а именно: для пословицы – краткость, обязательная иносказательность, оценочность, общепринятость и общеупотребительность, поучительность, возможность обобщенного выражения, а также форма полного предложения; для поговорки – краткость, иносказательность, но отсутствие поучения.

У Полевого народная оценка происходящего редко звучит из уст какого-либо конкретного персонажа: в романе присутствуют и взаимодействуют «разные точки зрения». В «Клятве при Гробе Господнем» ощутима среда, где создаются и живут произведения фольклора: это либо крестьянская семья с ее бытовым укладом, либо посадский люд, у которого всегда готово острое слово.

Народно-просторечная стихия охватывает весь роман, естественно и непринужденно вливаясь в авторскую речь или речь героев. При этом способы, которыми Н.А. Полевой пользуется, вводя пословицу или поговорку в повествовательную ткань своего романа, различны. Он может вводить их как прямую цитату⁸, сразу обозначая фольклорный жанр. Например, описывая предстоящий поход князя Юрия Дмитриевича против племянника, Н. Полевой употребляет поговорку, чтобы в яркой, образной форме передать весь ужас междоусобной войны: «*Война идет и метет – по старинной поговорке* (здесь и далее, за исключением специально оговоренных случаев, курсив наш. – М.Г.). Правда, здесь еще не начиналась кровавая, свирепая война, но ужасы ее уже видны всюду. И тем страшнее были они, что война великая, между сильными врагами, не ведет за собой таких бедствий, какие необходимы при войне мелкой, и особенно – междоусобной!»⁹ (с. 479).

Иногда писатель несколько видоизменяет пословицу или поговорку, приспособив ее для своих творческих задач, сохраняя при этом связь с фольклорным источником, ее основной смысл и значение: «*Близ царя близ чести, близ царя близ смерти* – эта пословица дошла из старины до наших времен¹⁰. С удивительным равнодушием повторяли и забывали всегда эту пословицу царедворцы, не боясь близки и все теснясь ближе и ближе к Великому князю!» (с. 498). В собрании В.И. Даля эти две поговорки, согласно авторской логике расположения материала¹¹, даны параллельно как самостоятельные¹². В сборнике И. Снегирева значится вариант «*Близ царя близ смерти*»¹³. Объединяя их, Полевой тем самым как бы выводит собственную «сентенцию» взаимоотношений царедворцев, выстраивает некий кодекс поведения.

Описывая собственное понимание художественной специфики исторического произведения, Полевой делает это в русле народной традиции: «*Скоро сказка сказывается, а не скоро дело делается*»¹⁴, – говорит старинная русская пословица. Между тем как повествование летит на крыльях, события влекутся на свинцовом костыле. *Не всякая песня до конца допеваётся*¹⁵ – есть еще русская пословица; мы перевернем ее по-своему и скажем: *не все высказывается в были и в повести, что в самом деле было <...>*» (с. 539). При помощи устойчивой формулы «*скоро сказка сказывается, а не скоро дело делается*», которую (наравне со многими другими. – М.Г.) В. Даль определял как «приговорку»¹⁶, в романе Полевого осуществляется переход от одного эпизода к другому. Подобное явление обогащает структуру повествования, делая его изложение более динамичным.

Включая пословицу или поговорку в повествовательную ткань, писатель делает ее принадлежностью определенной среды. Употребление простым народом пословиц и поговорок, пословичных выражений в романе – вполне естественное явление: они отражают его взгляд

на «историческую действительность», характеризуют восприятие своего тяжелого положения. Описывая произвол, который чинят казенные обозы, в разговоре с ярославскими купцами хозяин постоянного двора замечает: « – И у нас не велено им озорничать; да где, дедушка, суда същещь? *До Бога высоко, до князя далеко!*¹⁷. Пробьешь лоб поклонами, пока добьешься до правды» (с. 308). Из ярославских торговцев рыбой, прибывших накануне великокняжеской свадьбы в Москву, дедушка Матвей выделен особо: «В суконном синем полукафтани своем, с широкой, седой, как лунь, бородою, плешивой головой, которую покрывало немного волосов, с светлым, красным, свежим лицом, оживленным добротою и умом, дедушка Матвей внушал невольное почтение окружающим» (с. 308). Этот персонаж не играет ключевой роли в развитии сюжета романа и встречается только в первых шести главах. Однако его речь, изобилующая пословицами, поговорками, книжными реминисценциями, обнаруживает в нем человека, умудренного жизненным опытом, набожного и благочестивого. Своих молодых спутников дедушка Матвей поучает в духе христианской морали: « – *Не осуждай, да не осужден будешь!*¹⁸, брат Гриша! Подумаем о своих грехах...» (с. 304); или: «*Не так живи, как хочешь, а как Бог велит!*¹⁹, – проворчал он <...>» (с. 329).

Пословицы, поговорки, пословичные выражения употребляют в своей речи и бояре, и князья, т.е. этот фольклорный материал не является в романе Н. Полевого показателем сословной принадлежности. Например, обоз дедушки Матвея добирается до Москвы вместе с таинственным Иваном Гудочником, который во время пути рассказывает старику о Демественном пении (стиль древнерусского церковного пения. – М.Г.), о своих путешествиях (в том числе и о паломничестве в Иерусалим) и многом другом. На Кучковом поле они расстаются:

« – Куда же ты? – сказал ему дедушка Матвей.

“Надобно поискать приюта!” – отвечал незнакомец, взваливая котомку на плечо. <...>

– Послушай, однако ж, – на прощание, приятель и товарищ, дозвожь узнать твое честное имя?

“На что же тебе знать имя мое? Христианин, русский, да и только”

– Нет! *гора с горою не сойдется, а человек с человеком столкнется!*²⁰ (с. 365). Иными словами, дедушка Матвей искренне надеется на счастливую встречу со столь интересным собеседником, как Гудочник. Схожую пословицу находим в речи боярина Иоанна при разговоре с Шемякой и Косым:

« – Не знаю, – сказал Косой, – не порадоваться ли мне этому несчастному случаю (для сыновей князя Юрия Дмитриевича встреча с боярином Иоанном, по вине которого они лишились права претендовать на великокняжеский престол, действительно несчастный случай. – М.Г.), когда

он дал нам средство увидеть тебя, боярин Иоанн Дмитриевич?

“И я тоже думаю, князь Василий Юрьевич. Почему же: несчастный случай? *В своей семье горшок с горшком столкнется.* Признаюсь тебе, князь – нечего сказать, а я рад, когда мог видеть именно тебя...”» (с. 330). Боярин, не ожидая встречи с князьями, в этой сцене вынужден прикинуться приветливым. Шемяка, чувствуя это, иронизирует по поводу сказанного Иоанном Дмитриевичем и трактует употребленную пословицу буквально: « – Я желал бы прежде всего знать: давно ли мы стали называться своей семьею, боярин? – сказал Шемяка, улыбаясь. – Мы прежде были горшки не из одной глины» (с. 330). Тем самым Шемяка недвусмысленно дает понять Иоанну, что не воспринимает его как равного.

Общеизвестно, что пословицы и поговорки являются универсальным средством характеристики персонажей. С их помощью герои характеризуют себя сами. Так, принимая в Угличе послов великого князя, Дмитрий Шемяка демонстрирует равнодушие к политическим делам: « – <...> князь Дмитрий Юрьевич <...> мы к тебе приехали, кроме спроса о твоём здоровье, по нашего Великого государя, князя Великого, делу. // По делу? Не веря пословице, что *дело не медведь, в лес не уйдет!*²¹, я люблю тотчас сбывать всякое дело с рук; скажите же поскорее, в чем это дело!”» (с. 592). В речи Шемяки пословицы и поговорки «мешаются» с книжными изречениями. Обращаясь к брату, Василию Косому, он не упускает случая напомнить боярину Иоанну о результатах его вмешательства в княжеские междоусобицы: «<...> Если тебе есть охота мешаться в чужие дела, то можешь спросить боярина, как бывает невыгодно <...> это говорю не я, а вся Русь православная, не говорит, кричит, что боярин Иоанн Дмитриевич не щадил ни забот, ни трудов, вмешиваясь в дела между дядею и племянником, хлопотал, трудился, чуть лба не пробил, кланяясь ханским прислужникам, а потом на себе узнал пословицу, что *когда свои собаки грызутся, чужая не вступайся!*²² (с. 331). Именно Шемяке принадлежит образная, емкая характеристика боярина Иоанна. Предупреждая брата не иметь дела с коварным честолюбцем, он так отзывается о нем: «<...> отступись от этого старика, оскорбителя князей: *на языке у него мед, под языком лед!*²³ Не хочешь? Гордость увлекает тебя? Знай же, что я *умываю руки!*²⁴ от твоих замыслов; *имейте меня отреченна!*²⁵ (с. 332–333). Слова Понтия Пилата, цитата из новозаветной притчи подтверждают стремление Полевого изобразить Шемяку, не заботясь об исторической истине, воплощением чести, справедливости и миролюбия: «До сих пор вам представляли Шемяку злодеем, каких мало и бывало на святой Руси, а Василия Темного таким тихим, что водой не замутит. У меня Шемяка показан вам иначе: лихой, удалый, горячая голова, с добрым сердцем и с несчастием на роду написанным» (с. 690).

Значимым является как сам выбор персонажем пословиц и поговорок, так и смысл, который он в них вкладывает, их индивидуальная интерпретация, а главное – пословицы и поговорки способствуют усилению разговорного элемента речи. Один из спутников Шемяки, князь Чарторийский, рассуждая о возможной свадьбе Димитрия Юрьевича с дочерью князя Заозерского, употребляет поговорку, ярко отражающую его жизненную позицию в условиях междоусобицы:

« – Его женят! – шепнул наконец Чарторийский.

“Да, его обалят! – промолвил также Сабуров, – и тогда плохо нам будет...”

– Не в добрый час пустились мы в эту дорогу – не тем она будь помянута!

“Ты любишь эту поговорку, князь?”

– Дедушкина. Только у меня и наследства, что добрый меч дедовский, да несколько поговорок, как, например, эта: *помутит, Боже, народ, накорми воевод!*»²⁶ (с. 610). Таким образом, Чарторийский предстает в романе как честолюбивый военачальник, привыкший извлекать собственную выгоду в условиях междоусобицы.

Речь загадочного персонажа – Ивана Гудочника, о котором ходят самые разные слухи и который является ярким выразителем народной культуры, естественно, изобилует пословицами и поговорками. Порой Полевой усиливает смысл пословиц и поговорок, увязывая с сюжетной ситуацией, выявляя в разговоре жизненные позиции персонажей. Часто приводятся несколько пословиц или поговорок подряд, как бы дополняющих одна другую:

«<...> садись-ка, крестный батюшка, который благословил воевод московских в дураки, – примолвил Старков, указывая место Гудочнику, – садись и растолкуй, где пропал ты <...> Не слишком-то доверчив наш князь Великий, и не надивлюсь я, как умел ты попасть к нему в такую великую милость!

– Не всякий тот друг, кто с тобой брагу пьет; не всякий враг, кто на тебя с мечом идет. А сверх того, боярин, рыба ищет, где глубже, человек, где лучше²⁷. Светило сегодняшнее солнце – мы на нем онучки сушили; засветит завтра другое – мы будем сушить на нем» (с. 622–623). Все это изобличает в Гудочнике хитрого, изворотливого человека, готового «служить двум богам» ради исполнения данной клятвы восстановить Суздальское княжество.

Подводя итоги, можно отметить следующее. В авторской речи, в речи героев романа всех сословий пословицы и поговорки составляют устойчивый и существенный пласт языка. Одним из свидетельств глубокой органичности и естественности включения фольклорного материала в ткань повествования является почти полная внешняя неприметность таких включений. Н. Полевой творчески использует на страницах романа фольклорный материал, художественно преобразуя его

в собственное писательское слово, либо, оставляя элементы устоявшейся формы как основу, придает им новое значение, новый оттенок, идущий от личности героя, ситуации.

Примечания

- ¹ Полевой Н.А. История русского народа. М., 1829. Т. 1. С. XXIII.
- ² [Полевой Н.А.] Юрий Милославский, или Русские в 1612 году. Соч. М.Н. Загоскина // Московский телеграф. 1829. № 24. С. 463.
- ³ См., напр.: Шикло А.Е. Исторические взгляды Н.А. Полевого. М., 1981; Александрова Р.М. Н.А. Полевой и отечественная историография XIX–XX вв. М., 2002.
- ⁴ См.: Щелькини И.П. Н.А. Полевой о специфике художественного повествования в историческом романе // Литературные взгляды и творчество Н.А. Полевого. М., 2002. С. 101–108; Козаровицкая З.Н. Жанровое и сюжетно-композиционное своеобразие исторического романа Н.А. Полевого «Клятва при Гробе Господнем»: Деп. в ИНИОН АН СССР. № 45455 от 18.10.91.
- ⁵ Колесов В.В. Афористика Древней Руси // Мудрое слово Древней Руси (XI–XVII вв.): Сборник / Сост., вступ. ст., подгот. древнерус. текстов, пер. и коммент. В.В. Колесова. М., 1989. С. 9.
- ⁶ См., напр.: Снегирев И.М. Русские в своих пословицах: Рассуждения и исследования об отечественных пословицах и поговорках: В 4 кн. М., 1831. Кн. 1. С. 134, 138, 139; Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований, в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. М., 1865. Т. 1. С. 27; Потебня А.А. Из лекций по теории словесности. Басня, пословица, поговорка // Потебня А.А. Теоретическая поэтика. М., 1990. С. 98, 99, 104–105; Ляцкий Е.А. Несколько замечаний к вопросу о пословицах и поговорках // Изв. отд-ния русского языка и словесности АН. 1897. Т. II, кн. 3. С. 745–782; Перетц В.Н. Из истории пословицы: Историко-литературные заметки и материалы. С приложением сборника польских пословиц по рукописи 1726 года. СПб., 1898; Иллюстров И.И. Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках. Сборник русских пословиц и поговорок. СПб., 1910; Орлов Л.Г. Пословицы // Русское народное поэтическое творчество / Под ред. А.М. Новиковой. М., 1969. С. 137; Шахнович М.И. Краткая история собирания и изучения русских пословиц и поговорок // Советский фольклор. 1936. № 4/5. С. 299–368; Адрианова-Перетц В.П. Пословицы и поговорки // Избранные пословицы и поговорки русского народа / Сост. Н.П. Колпакова и др. М., 1957. С. 13, 14 и др.
- ⁷ Пословица – «коротенькая притча <...>; суждение, приговор, поучение, высказанное обиняком и пущенное в оборот, под чеканом народности. Пословица – обиняк, с приложением к делу, понятый и принятый всеми. <...> полная пословица состоит из двух частей: из обиняка, картины, общего суждения и из приложения, толкования, поучения <...>»; Поговорка – «окольное выражение, переносная речь, простое иносказание, обиняк, способ выражения, но без притчи, без суж-

- дения, заключения, применения» (Даль В.И. Напутное // Даль В.И. Пословицы русского народа. Сборник В. Даля. М., 1957. С. 13, 14).
- ⁸ Медриш Д.Н. Литература и фольклорная традиция: Вопросы поэтики / Под ред. Б.Ф. Егорова. [Саратов], 1980. С. 118–119.
- ⁹ Здесь и далее роман цитируется по изданию: Полевой Н.А. Избранная историческая проза. М., 1990. Ссылки приводятся в тексте статьи в круглых скобках с указанием страницы.
- ¹⁰ «Древняя русская пословица: *близ царя, близ смерти*, родилась, думаю, тогда, как наше отечество носило цепи монголов. Князья ездили в Орду как на Страшный суд: счастлив, кто мог возвратиться с милостию царскою или по крайней мере с головою» (Карамзин Н.М. История государства Российского. 2-е изд., испр. СПб., 1819. Т. IV. С. 243).
- ¹¹ «<...> Итак, я расстриг десятки тысяч, собранных в течение десятков лет, пословиц, поговорок и тому подобных речений и, вынимая их из короба, как они попадались, обозначал на каждой одним словом значение, смысл, предмет, к коему каждая относится. Таким образом, составились сами собою, без всякого предварительного уместования, оглавки разрядов, около ста восьмидесяти, в кои вошло все, что было собрано по крохе. *Затем я принялся снова за каждый разряд и старался подобрать в нем пословицы в некоторой последовательности и связи, по тому же их значению*» (Даль В.И. Указ. соч. С. 28).
- ¹² Ср.: «Близ царя – близ смерти. Близ царя – близ чести» (Даль В.И. Указ. соч. С. 243). Надо отметить, что пословицы и поговорки в романе Н.А. Полевого не всегда совпадают с вариантами в собрании В.И. Даля.
- ¹³ Ср.: Снегирев И. Русские народные пословицы и притчи. М., 1995. С. 14. (Репринт. изд. 1848 г.).
- ¹⁴ Ср.: Снегирев И. Указ. соч. С. 372.
- ¹⁵ Ср.: Даль В.И. Указ. соч. С. 500; «Не всякая песенка до конца допеваётся» (Снегирев И. Указ. соч. С. 265).
- ¹⁶ Даль В.И. Указ. соч. С. 20.
- ¹⁷ Ср.: «До царя далеко, до бога высоко. До неба высоко, до царя далеко» (Там же. С. 245). Можно предположить, что Н. Полевой не случайно использует именно такой возможный вариант пословицы: как известно, употребление слова «царь» в качестве основного титула русских правителей относится к 1547 г. и связано с именем Ивана Грозного, который по достижении совершеннолетия короновался как царь. Таким образом, пословица «фиксирует» факт феодальной раздробленности Руси в период 1433–1441 гг., когда происходит действие романа.
- ¹⁸ Лк. 6:37 – «Не осуждайте, да не осуждены будете: оставьте и вставится вам, сказал Господь».
- ¹⁹ Ср.: Даль В.И. Указ. соч. С. 59; ср. также: Снегирев И. Указ. соч. С. 290.
- ²⁰ Ср.: «Гора с горой не сойдется, а человек с человеком (или: а горшок с горшком) столкнется. Гора с горой не сходится, а человек с человеком сходится» (Даль В.И. Указ. соч. С. 74); «Гора с горой не сойдется, а горшок с горшком сойтнется» (Снегирев И. Указ. соч. С. 73).
- ²¹ Ср.: Снегирев И. Указ. соч. С. 109.
- ²² Ср.: «Свои собаки дерутся, чужая не приставай!» (Там же. С. 363).
- ²³ Ср.: Даль В.И. Указ. соч. С. 660. Ср. также: *Песн. 4:11* «<...> мёд и молоко под языком твоим <...>»; *Притч. 26:23–25*: «Что нечистым серебром обложенный глиняный сосуд, то пламенные уста и сердце злобное. Устами своими притворяется враг, а в сердце своем замышляет коварство. Если он говорит и нежным голосом, не верь ему, потому что семь мерзостей в сердце его». «Ивритское выражение собрано из двух источников. <...> Эти слова о враге, который хотя и «делает нежным голос свой», но замышляет недоброе. Отсюда всё выражение говорит о человеке двуличном, сладком на словах, но мерзком в мыслях и делах. Обе части могут быть использованы самостоятельно, особенно первая». Подробнее об этом см.: В ногах ползает, а за пятку хватает. Мягко стелет, жёстко спать. На языке мёд, а под языком лёд. Сладко в рот, да горько вглот: [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://pitgamivri-rusi.blogspot.com/2007/05/blog-post_07.html. Загл. с экрана (25.09.2008). Ср. также: «Рифма *мед-лед* – одна из традиционных <...>. Так, мед издавна был символом красноречия, синонимами слова *мед* были: *сладость, красота, блаженство, мудрость, красноречие, наслаждение и удовлетворение, богатство*, т.е. слова с положительной оценочной коннотацией. Символика широко отразилась в языке: *медоречивый, медоязычный, сладкоглагольный, сладоречивый, сладкие и медоточные словеса*. Ассоциации символического и вербально-семантического планов лежат в основе семантического образования слова мед ‘сладкий’ (со сверхположительной оценкой). Напротив, слова *лед, мороз, холод* – своеобразные «артикли» сверхотрицательной оценки, генетически восходящие к символу *холод-печаль, забота, жестокость*. <...> Таким образом, противопоставление *мед-лед, медок-холодок* <...> – семантически закономерно, ибо выражает коннотативную антонимию. Данная оппозиция – пример выразительного семантико-стилистического средства создания антитезы, формирования смысла пословицы о лицемерии, другими вариантами которой являются паремии *Уста медоточивые, а сердце смолой кипит; Медовый язык, да каменное сердце*, также основанные на коннотативной антонимии (*медоточивый – смолой кипит, медовый – каменный*)» (Бочина Т.Г. Ключевые слова фольклорной картины мира в пословице-антитезе [Электронный ресурс]: Режим доступа: <http://www.ksu.ru/fil/kn7/index.php?sod=9>. Загл. с экрана (25.09.2008).
- ²⁴ Мф. 27:24 – «Пилат, видя, что ничто не помогает, но смятение увеличивается, взял воды и умыл руки пред народом, и сказал: невиновен я в крови Праведника Сего; смотрите вы». В то время умывание рук было ритуалом, означавшим непричастность человека к какому-либо неблагоприятному делу или его отказ в нем участвовать.
- ²⁵ Лк. 14:18 – «И начали все, как бы сговорившись, извиняться. Первый сказал ему: “я купил землю, и мне нужно пойти посмотреть ее; прошу тебя, извини меня”». Ср. также: «И паки рече Иисус: “человек некий сотвори вечерю велию, и зва многи, и посла раб своих в год вечери рещи званным: грядите, яко же уже гото-

во суть вся. И начаша вкупе отрицатися вси. Первый рече: село купил и имам нужду изыти и видети, молю ти ся, имей мя отреченна» (Духовная грамота царя Ивана Васильевича (июнь-август 1572 г.) // Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подгот. к печати Л.В. Черепнина. М.; Л., 1950. С. 431).

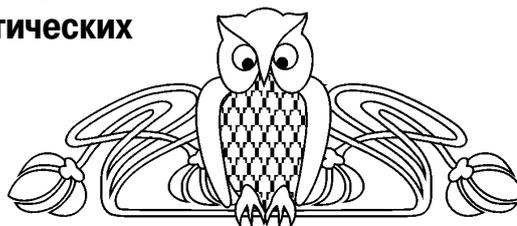
- ²⁶ Ср.: «Помутися народ, накорми воевод! Помути бог народ, накорми воевод!» (Даль В.И. Указ. соч. С. 227). Ср. также: «Помути, Бог, народ, да покорми воевод!» (Снегирев И. Указ. соч. С. 329).
- ²⁷ Ср.: «Рыба ищет, где глубже, а человек, где лучше» (Снегирев И. Указ. соч. С. 357).

УДК 821.161.1.09-2+929 Островский

А.Н. ОСТРОВСКИЙ: РАЗРУШЕНИЕ МИЗАНСЦЕНЫ (к проблеме авторской ремарки в драматических произведениях)

А.Н. Зорин

Саратовский государственный университет,
кафедра общего литературоведения и журналистики
E-mail:art-zorin@yandex.ru

Ремарка драматургии Островского во многом отражает поиски автора в области новой драматургической формы. Им создана строгая система ремарочных обозначений, удобных для театра и ассоциативно насыщенных в контексте каждого произведения. Номинативные и афишные ремарки, как и ремарки «текста в тексте» и «театра в театре», значительно расширяют границы восприятия социально-философского и культурно-исторического подтекста его пьес.

Ключевые слова: драматургия, ремарки, «текст в тексте», афиша, подтекст.

A.N. Ostrovsky: Breaking Mise an Scene (Towards the Problem of Author's Directions in Drama)

A.N. Zorin

Author's directions in Ostrovsky reflects his search for a new form in drama. He created a consistent system of directions suitable for theatrical purposes and associatively productive within each work. Nominative and "billboard" remarks, as well as "text within text" and "theatre within theatre" remarks, significantly broaden the perception of social-philosophical and cultural-historical undercurrent of Ostrovsky's plays.

Key words: playwrighting, remarks, «text within text», billboard, underlying text.

«Я знаю тебя, Замоскворечье, я сам провёл несколько лет жизни в лоне твоём, имею за Москвой-рекой друзей и приятелей и теперь ещё брожу иногда по твоим улицам. Знаю тебя в праздники и в будни, в горе и в радости, знаю, что творится и делается в твоём широком улицам и мелким частым переулочкам»¹. О том, «что творится и делается», автор самых знаменитых «сцен» и «картин» из московской жизни впервые написал во «Введении» к «Очеркам Замоскворечья» в 1844 г. И это был прозаический текст. А двумя годами позже, в 1846-м, он прочёл Д.А. Гореву-Тарасенкову «Семейные сцены» – они были написаны уже в виде пьесы. Началом же своего

драматургического поприща Островский считал 14 февраля 1847 г.: в этот день на квартире профессора С.П. Шевырёва он читал в присутствии нескольких известных российских литераторов «Картины семейного счастья», которые сам называл потом «первыми литературными опытами в виде драматических сцен» (1, 499). По сути, это было первое законченное произведение, написанное им для театра.

Реакция слушавших была восторженной. Хозяин дома подошел к Островскому, взял его за руку и возвышенно произнес: «Поздравляю вас драматическим писателем» (1, 499). Аполлон Григорьев, бывший в числе слушателей, позже написал, что «Картины семейного счастья» отмечены печатью яркого таланта, выразившегося «1) в новости быта, выводимого автором и до него ещё не початого <...>, и 2) в новости отношений автора к изображаемому лицом, и 3) в новости манеры изображения, и 4) в новости языка – в его цветистости, особенности»².

Аполлон Григорьев практически сформулировал основы будущего театра Островского, предвосхитив его содержание и смыслы. «Новости быта, <...> до него ещё не початого»³, ожидаемы были на тогдашней сцене, переживавшей и драматургический, и постановочный кризисы.

Сомнительным и обветшалым называет репертуар российского театра середины XIX в. В. Лакшин⁴. Перелистывая, в частности, афиши Малого театра в сезон 1851/52 гг., он выстраивает репертуарный список: из драм – «Уголино» Полевого, «Денщик» Кукольника, «Смерть Ляпунова» С. Геденова, из комедий – «Божман» Тарновского, «Идеалы» Маркевича. Основное же место в репертуаре отдано водевилям – переводным и оригинальным, с такого рода «говорящими» названиями: «Белокурая брюнетка», «Вот так пиллюля! Что в рот, то спасибо», «Кутерьма», «Любовь артиста», «Муж не муж, жена не жена», «Невесте 45 – при-